

ВОЄЧНА ИСТОРІЯ

УДК 930.253 : 94(477) «1941/1945»

Оксана Титаренко

ВІРМЕНСЬКЕ НАСЕЛЕННЯ ХАРКОВА В ПЕРІОД НІМЕЦЬКОЇ ОКУПАЦІЇ В ОЦІНЦІ ОРГАНІВ НКВС

У публікації подано текст доповідної записки народного комісара внутрішніх справ УРСР про вірменське населення Харкова у період німецької окупації. Зміст документа висвітлює способи виживання місцевого населення в той час, тенденційне ставлення радянської влади до певних етнічних груп.

Ключові слова: вірмени, НКВС, колабораціонізм, нацистська окупація, репресії.

В публикации представлен текст докладной записки народного комиссара внутренних дел УССР об армянском населении Харькова в период немецкой оккупации. Содержание документа освещает пути выживания местного населения в то время, тенденциозное отношение советской власти к определенным этническим группам.

Ключевые слова: армяне, НКВД, коллаборационизм, нацистская оккупация, репрессии.

The publication provides the text of the report of People's Commissar of Internal Affairs of the Ukrainian Soviet Socialist Republic about the Armenian population of Kharkiv during the German occupation. The content of document highlights the survival strategies of the local population, biased attitude of the Soviet authorities to certain ethnic groups.

Key words: the Armenians, the People's Commissariat for Internal Affairs, collaboration, German occupation, repression.

В умовах проживання різних етносів у державі, питання збалансованої політики у сфері міжнаціональних стосунків є одним із найважливіших із точки зору забезпечення стабільності в суспільстві, профілактики і попередження соціальних конфліктів. У той же час в умовах екстремальних соціально-політичних процесів, до яких відносяться й війна, як правило відбувається загострення наявних національних проблем і виникнення нових. Велика Вітчизняна війна не була виключенням.

© Оксана Титаренко, 2012

Спроби сталінського режиму в довоєнний період відшукати «фашистів» і «націоналістів» серед національних меншин, великорадянський шовінізм передвоєнного періоду з самого початку війни поставили на порядок денний питання, пов’язані з лояльністю до «старої», радянської, чи «нової», окупаційної влади тих чи інших національних груп.

Так, уже до кінця 1941 р. за підозрою у можливості колаборації з ворогом було депортовано близько 900 тис. німців¹, розстріляно в тюрмах тисячі представників національної інтелігенції в Україні і республіках Прибалтики.

Період після звільнення окупованих регіонів СРСР став часом, коли перед радянською владою в контексті покарання за колаборацію з ворогом постало питання пошуку реальних і надуманих внутрішніх ворогів. Одним із таких способів було «приписування колективної вини та застосування колективного покарання»². Депортациї, передусім за військово-політичний колабораціонізм із ворогом, підлягали чеченці та інгуші, карачаївці, калмики, кримські татари³. Переслідувань зазнало багато поляків, українців, латишів, естонців. Попри те, що ці репресивні заходи вже відображені у вітчизняній історіографії⁴, відкритим залишається питання про подібні наміри керівництва держави щодо інших етнічних груп. Це зумовлено, насамперед, недостатністю виявленіх досі джерел.

Навіть тоді, коли влада не використовувала масові репресивні акції щодо представників тієї чи іншої етнічної групи, явним було її прагнення підготувати ґрунт для таких дій, зокрема, проводився збір необхідного «компромату» на «неблагонадійний» народ. Доказом цього є виявлена нами у фондах Центрального державного архіву громадських об’єднань України доповідна записка народного комісара внутрішніх справ УРСР В. Т. Сергієнка від 29 квітня 1943 р. «Об армянском населении гор[ода] Харькова», адресована секретарю ЦК КП(б)У М. С. Хрущову⁵. Штамп реєстрації свідчить, що вона надійшла до особливого сектору ЦК КП(б)У 11 травня 1943 р. (вхідний № 170 с. с.). На першій сторінці документа є віза (без зазначення дати) про необхідність ознайомити з ним К. З. Литвинна, ймовірно заступника завідувача відділу пропаганди та агітації ЦК КП(б)У. Тут же наявний штамп «Підлягає поверненню до особливого сектора ЦК КП(б)У».

Очевидно перший матеріал для доповідної записки було зібрано під час першого звільнення Харкова – з 16 лютого до 15 березня 1943 р. Не заперечуючи можливість достовірності наведених у ній фактів, вважаємо за необхідне звернути увагу на місце її підготовки – м. Старобільськ Ворошиловградської області, – що свідчить про відсутність можливості верифікації на місці всієї інформації, яка в ній містилася. Також варто відмітити й те, що заняття торгівлєю, яке інкримінувалася місцевим вірменам, було одним із поширеніших проявів зусиль для виживання місцевого населення в умовах окупаційної дійсності⁶.

Усе це в комплексі, разом із лексично-стилістичними особливостями доповідної записки, дає підстави вважати, що підготовка цього документа пояснювалася логікою функціонування державної репресивної

машини, а в поясненні помилок, промахів та невдач періоду війни йшла найлегшим шляхом – пошук «неблагонадійних» народів.

Із урахуванням того, що раніше цей документ не публікувався, доповідна записка може сприяти аналізу особливостей політики радянського керівництва стосовно національних меншин, допомогти охарактеризувати процес створення у той час певних етнічних штампів та стереотипів.

Документ подано мовою оригіналу із збереженням його орфографічних, стилістичних та пунктуаційних особливостей.

**ДОПОВІДНА ЗАПИСКА НАРОДНОГО КОМИСАРА ВНУТРІШНІХ СПРАВ
УРСР В. СЕРГІЄНКА СЕКРЕТАРЮ ЦК КП(Б)У М. ХРУЩОВУ «ПРО
ВІРМЕНСЬКЕ НАСЕЛЕННЯ МІСТА ХАРКОВА У ПЕРІОД ОКУПАЦІЇ»**

29 квітня 1943 р., м. Старобільськ

Совершенно секретно

Докладная записка

об армянском населении гор. Харькова в период оккупации⁷

После занятия Харькова немцами оккупационные власти произвели в городе перерегистрацию населения.

По итогам этой перерегистрации в гор[оде] Харькове насчитывалось 2970 человек населения армянской национальности, что составляло 0.7% к общему количеству жителей города.

Из общего числа армян в 1289 человек взрослого населения, по отдельным отраслям хозяйства профессии армян, на основании данных перерегистрации, распределялись так:

Работники фабрично-заводских предприятий – 342 – 26.5%

Работники кустарно-ремесленного производства – 314 – 24.3%

Работники торговли – 295 – 23.0%

Работники интеллектуального труда – 154 – 11.9%

Работники строительства и коммунального хозяйства – 58 – 4.5%

Работники общественного питания – 45 – 3.5%

Работники транспорта и связи – 40 – 3.1%

Работники других профессий – 41 – 3.2%

Характерно отметить, что из категории работников торговли одних только заведующих магазинов насчитывалось – 194 чел., из общего числа 295 чел., а из категории кустарно-ремесленного производства – обувщиков и портных 237 человек, из общего числа в 314 человек.

Из приведенной таблицы следует, что значительное количество армян работало в системе торговли, кустарно-ремесленного производства и общественного питания.

С первых же дней оккупации войсками противника города большинство армян занялось торговлей и кустарничеством и только незначительная часть, – работой в созданных оккупантами административных органах и учреждениях.

Однако, вскоре из оккупационных административных органов и учреждений армяне были вытеснены украинскими националистами.

К моменту оккупации армяне располагали значительными денежными суммами и средствами производства, приобретенными ими путем присвоения денежной выручки от торговли, несданных государству в период эвакуации товаров, сырья и материалов, награбленных перед оставлением Красной Армии гор[ода] Харькова.

Торговая деятельность армян первое время носила характер мелкой спекуляции на рынках, а затем приняла форму крупных спекулятивных операций с колоссальными месячными оборотами.

Уже в марте-апреле 1942 года на центральных улицах города были заняты почти все торговые помещения, арендуемые торговцами-армянами.

К этому времени армянами было открыто значительное количество ресторанов, столовых, кондитерских, кафе-закусочных с джазами, певицами и т. п. атрибутами, на которые с приходом оккупантов появился спрос.

По примеру городской управы и украинского купечества некоторые армяне-предприниматели открыли т. н. универсальные магазины скопки и продажи случайных вещей. Понуждаемое голодом население сдавало на комиссию в эти магазины одежду, обувь, ковры, ценные антикварные вещи, часы, золото, драгоценности и т. д.

Торговая и кустарно-ремесленная деятельность армян широко поощрялась оккупантами. Армяне освобождались оккупантами от военных работ и от мобилизации в Германию.

Армяне широко практиковали коммерческие сделки с оккупантами, в большом количестве снабжая их коврами и другими ценными вещами для отправки в Германию. Оккупанты платили цены по запросам и часто в награду со своей стороны сбывали этим же предпринимателям продовольственные и другие товары, награбленные у населения.

Созданные армянами кустарно-ремесленные предприятия выполняли заказы немецкой военщины, изготавливая одежду, обувь и т. п. для офицеров и их семей.

Некоторые армяне открыли рестораны, кондитерские и кафе-закусочные только для оккупантов, принимая на себя устройство банкетов не только в своих помещениях, но и на дому.

«... Пьянки в ресторанах и на дому, которые устраивались армянами с оккупантами по всякому поводу и без повода, были чаще ружейных залпов прифронтового периода. Звуки пьяной музыки раздавались из окон квартир чуть ли не рядом с балконами, где были повешены т. н. партизаны».

Так характеризовал один из наших источников деятельность армян в условиях оккупации гор. Харькова.

В середине 1942 года, в период перерегистрации патентов, украинские националисты пытались отобрать у армян принадлежавшие им магазины, ларьки, киоски, рестораны, кафе-закусочные и кустарно-ремесленные производственные предприятия. По директиве главаря украинских националистических кругов гор[ода] Харькова Доленко⁸ и по распоряжению его креатуры –oberбургомистра Семененко⁹ у большинства армян украинская полиция закрыла торговые,

кустарно-ремесленные и другие предприятия, предложив армянам передать все это украинским купцам.

Армянские купцы при небескорыстной поддержке оккупантов отстояли свои права. По распоряжению гестапо торговая сеть, кустарно-ремесленное производство и объекты общественного питания армянам были возвращены. Гестапо запретило горуправе «беспокоить» армян.

После этой истории взаимные коммерческие сделки между оккупантами и армянами приняли еще больший размах. Оккупанты использовали оказанную поддержку в целях личной наживы, получая от армянского купечества большие взятки.

Между прочим, в одном из секретных документов начальника полиции безопасности и охранной службы при «СС» за период с 24.8 по 9.9 – 1942 года об армянах пишут следующее:

«...Имеются донесения, что украинское и русское население Харькова питает антипатию к армянам, составляющим 0.7% городского населения.

Армян упрекают в том, что они обеспечили себя большими материальными ценностями и особенно ходкими товарами и продуктами.

К этим упрекам, которые фактически очень близки к истине, присоединяются еще слухи, что армяне обратились к немецким властям с просьбой о принятии немецкого подданства.

Хотя украинские официальные круги и опровергают эти слухи и относят их за счет разлагающей большевистской пропаганды, однако наблюдения говорят о том, что армяне ни в коем случае не могут быть отнесены к продуктивно работающей части населения, что они, очевидно, предпочитают легкие заработки в мелких торговых предприятиях, спекуляцию, комбинации и проч.

Так как черная и ростовщическая торговля находится в руках армян, то плохое отношение к ним со стороны мало обеспеченного в настоящее время населения еще более возросло».

Приводим следующие факты из деятельности отдельных армянских купцов в гор[оде] Харькове.

Некий Колачьян Дмитрий, в прошлом кустарь-обувщик, организовал в период оккупации обувную мастерскую и торговый магазин, выполняя заказы немецкого командования по изготовлению для немецких офицеров бурок, сапог и легкой обуви для семей офицеров.

Колачьян летом 1942 года в компании со своим братом Иваном, Мирошьяном Аником Амазасовичем и Грантом на одной из главных улиц города открыли ресторан «Берлин».

Этот ресторан часто посещали работники гестапо – Заифер, Фрезе, Горн и другие, где в отдельных кабинетах для них устраивались выпивки и угощения.

В первой половине декабря 1942 года немецкая полевая жандармерия арестовала Дмитрия Колачьяна и Мирошьяна, обвинив их в спекуляции немецкими товарами и в скопке у немецких солдат краденого печенья. При обыске у них были обнаружены запасы сахара, коньяку, сигарет и кондитерских изделий на сумму около 1 миллиона рублей.

По этому же делу были арестованы и другие лица, впоследствии расстрелянные.

Колачьян и Мирошьян, пользуясь связями с работниками гестапо, при их содействии были освобождены.

После освобождения из гестапо Колачьян и Мирошьян расторгнули компанию. Ресторан «Берлин» остался лично за Колачьяном Дмитрием. За это Колачьян уплатил Мирошьяну 100 тысяч рублей.

На вопрос – почему он разошелся с Колачьяном, Мирошьян ответил:

«.... При Советской власти я работал продавцом, потом заведующим – мне это все равно, лишь бы иметь кусок хлеба, остальное меня не интересует. Связываться с Колачьяном я не хочу, так как Колачьян работник гестапо – ну и бог с ним, пусть работает».

После того, как Колачьян стал самостоятельным хозяином ресторана «Берлин», его связи с работниками гестапо Зайфером, Фрезе и Горном еще больше укрепились.

Колачьян нами арестован и вывезен в глубь страны.

Найдранец Саркис Георкович, уроженец Ирана, того же подданства. До оккупации города работал заведующим магазина «Росглаввино». В период оккупации имел связь с торговым отделом городской управы, выезжал на села по заготовке продуктов, пуская в оборот личные средства, главным образом золотую валюту.

После различного рода спекулятивных операций Найдранец располагал большими средствами, часть которых составляли суммы, не сданные им государству по магазину «Росглаввино».

В июне 1942 года Найдранец открыл магазин скопки и продажи случайных вещей.

Торговая деятельность Найдранца достигла колossalных размеров. В этом не малую роль сыграли операции с оккупантами, которым он сбывал ковры и драгоценности, получая от них взамен продовольственные товары.

В августе 1942 года по распоряжению обербургомистра Семененко, украинской полицией магазин Найдранца был опечатан с тем, чтобы передать его одному украинскому купцу.

Найдранец обратился за помощью в гестапо, откуда последовало распоряжение Городской управы возвратить магазин его владельцу.

Очевидно, в отместку за это Найдранец в сентябре месяце 1942 года украинской полицией был арестован по обвинению в покупке краденых вещей. Однако по распоряжению гестапо следствие по делу из украинской полиции было изъято и поручено работникам гестапо и через 8 дней Найдранец был освобожден.

Активную помощь в освобождении Найдранца оказал Дмитрий Колачьян, который дал одному из работников гестапо взятку в сумме 75 тысяч рублей.

После освобождения Найдранца из-под ареста участились его встречи с работниками гестапо Зайфером, Фрезе и Горном.

Несмотря на противодействие, чинимое украинскими националистами, коммерческая деятельность Найдранца приняла еще более широкий размах. К концу 1942 года месячный оборот торговли универсального магазина Найдранца достиг 250 тысяч рублей.

Саноян Арап Степнович и Петрусян Аршавиль – родственники Найродьянца – до оккупации вместе работали в одном магазине «Росгллавино». По примеру Найродьянца эти лица также не сдали государству выручку и остатков товара в период эвакуации.

При оккупации Саноян имел крупный универсальный магазин в компании с Баньямином, а также широко практиковал всевозможные операции с оккупантами, за что получил от их командования документ, удостоверяющий об оказанной им помощи немецкой армии.

Петрусян Аршавиль в компании с другими армянами имел крупную торговлю на Благовещенском базаре, широко практиковал прием на дому офицеров немецкого командования и также получил документ, удостоверяющий то, что он активно помогал немецкой армии.

Муратов в период оккупации города войсками противника имел крупный обувной магазин на главней улице города.

По распоряжению обербургомистра Семененко, этот магазин был закрыт и со стороны украинской полиции Муратову угрожал арест. Муратов поставил в известность гестапо и в результате магазин Муратову был возвращен и арестовать его украинская полиция не решилась.

Баграмов Михаил имел крупный скобяной магазин и мастерскую на одном из базаров.

О себе Баграмов говорил, что он был начальником штаба одной кавалерийской дивизии, попал в плен к немцам и, прибыв из плена в оккупированный Харьков, занялся торговой деятельностью.

Акопов Хайк первое время имел кондитерский магазин, а затем открыл галантерейный и скупочный магазины. Располагал большими оборотными средствами.

Мельконьян Мелик имел скупочный магазин и был тесно связан с гестапо. О своей работе в гестапо не скрывал. В разговоре с Народьянцем на вопрос – для чего ему нужно оружие, Мельконьян ответил, что он работает в гестапо и потому ему оружие необходимо.

Налбадзян Возген первое время имел кафе, а затем открыл универсальный магазин на главной улице. Имел связь с одним из немецких генералов.

Барьяхтаров Семен – в период оккупации был арестован по обвинению в опубликовании политической статьи.

В одной камере с ним сидел и его отец Самсон Барьяхтаров, бывший сотрудник НКВД, впоследствии расстрелянный.

Барьяхтаров Семен на очной ставке отказался от своего отца, что помогло ему спасти свою жизнь, и был освобожден. В освобождении Барьяхтарова Семена принял активное участие Налбадзян Возген, имевший связь с немецким генералом.

Занимаясь торговой и кустарно-ремесленной деятельностью армяне, преимущественно купцы, в то же время проводили подготовительную работу к открытию в гор[оде] Харькове армянской церкви.

С этой целью по инициативе Найродьянца Саркиса Георгиевича в гор[оде] Харькове в начале оккупации была создана инициативная группа верующих армян.

Найродьянц, обсуждая вопрос в кругу у своих знакомых, говорил, что церковь в гор[оде] Харькове при новой власти является необходимой для армянского населения.

Получив разрешение и полномочия религиозного отдела городской управы, Найродьянц созвал 9-го января 1942 года собрание инициативной группы верующих армян.

После краткого выступления Найродьянца собрание решило организовать религиозную общину, запротоколировать это и поставить в известность религиозный отдел горуправы.

Найродьянц на этом собрании был избран председателем общины верующих армян, а Симонов Аркадий Степанович – секретарем ее.

В связи с ликвидацией религиозного отдела городской управы указанный протокол был направлен в канцелярию Феофила, митрополита Харьковского и Полтавского¹⁰.

Митрополит Феофил взял религиозную общину армян под свое покровительство и ходатайствовал перед городской управой о передачи ей здания бывшей армянской церкви.

В первых числах апреля 1942 года начато было оборудование церкви. Всю работу по организации и оборудованию церкви проводил лично Найродьянц.

В июле 1942 года Найродьянцем было проведено собрание верующих армян, на котором присутствовало 50 человек.

На этом собрании Найродьянц информировал присутствовавших о состоянии ремонта церкви и сообщил, что он израсходовал на ремонт 120 тысяч рублей и что эту сумму он полностью жертвует на благо церкви.

После дополнительного сбора средств Найродьянц лично внес еще 26 тысяч рублей. Таким образом на ремонт церкви было собрано 227 тысяч рублей из которых пожертвование Найродьянца выражалось в сумме 146 тысяч рублей.

В сентябре 1942 года после окончания ремонта Найродьянц намерен был выехать в гор[од] Ростов и Краснодар для того, чтобы пригласить в гор[од] Харьков армянского священника. Соответствующее разрешение было получено от митрополита, но поездка не состоялась, так как Найродьянц считал положение на фронте неблагоприятным для таких поездок.

По истечении некоторого времени Найродьянц снова обратился к митрополиту за разрешением на выезд, но уже не только ему, а и некоему Никагосову.

В связи с приближением линии фронта к Харькову, а также из-за того, что не удалось найти армянского священника, церковь открыта не была.

Оценивая положение населения в гор[оде] Харькове в период оккупации следует отметить, что та часть его, которая занялась торговлей, по сравнению с другими слоями находилась более чем в благоприятных условиях.

Этому способствовала спекулятивная изворотливость армянских торгашей, которые пользовались не только вниманием разведывательных органов оккупантов, но и их прямой поддержкой.

Та же незначительная часть армян, которая не потеряла достоинства советских патриотов, находилась в таких же тисках тотального террора оккупантов, как и остальное население.

Народный комиссар внутренних дел УССР

В. Сергиенко¹¹

ЦДАГО України, ф. 1, оп. 23, спр. 689, арк. 1-16. Машинопис, оригінал.

¹ Чорна книга комунізму: злочини, терор і репресії / [Стефан Куртуа, Нікола Верт, Жан-Луї Панне та ін.]. – Львів: Афіша, 2008. – С. 200.

² Полян П. М. Депортации советских немцев в 1941–1943 гг. и советская депортационная политика периода Второй мировой войны // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 26–28 августа 2011 г.). – М.: Б.в., 2011. – С. 105.

³ Люкс Л. Истории России и Советского Союза: от Ленина до Ельцина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 320.

⁴ Баран В. Крим: 1944 рік (Архівні джерела про депортацию) // Сучасність. – 1993. – № 8. – С. 72–78; Білас І. Г. Репресивно-каральна система в Україні. 1917–1953: Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз. – К.: Либідь: Військо України, 1994. – Кн. 1. – С. 157–252; Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: Народы в эшелонах: 20–60-е годы. – М.: Инсан, 1998. – 368 с.; Зінченко Ю. І. Національні меншини України та Криму періоду Другої світової війни // Національні меншини України у ХХ столітті: Політико-правовий аспект / [М. І. Панчук, В. А. Войналович, О. І. Галенко та ін.]; голов. ред. І. Ф. Курас. – К.: ІПЕНД, 2000. – С. 179–209 та ін.

⁵ Центральний державний архів громадських об'єднань України, ф. 1, оп. 23, спр. 689, арк. 1–16.

⁶ Скоробогатов А. В. Харків у часи німецької окупації (1941–1943). – Харків: Пропор, 2004. – С. 285.

⁷ Харків був окупований в період з 24 жовтня 1941 р. до 23 серпня 1943 р.

⁸ Доленко В. А. (1889–1971) – український громадський, політичний і церковний діяч, в період німецької окупації очолював Харківський громадський комітет, який намагався відігравати роль центру українського національного життя у місті.

⁹ Семененко О. П. (1898–1978) – бургомістр Харкова у 1942–1943 рр., змінив на цій посаді Крамаренка О. І.

¹⁰ Митрополит Феофіл (Булдовський, 1865–1944) – один із лідерів автокефального руху в українському православ'ї, став у той час ініціатором відродження УАПЦ на Лівобережній Україні.

¹¹ Сергієнко В. Т. (1903–1982) – народний комісар внутрішніх справ УРСР у 1941–1943 рр.